

Габриэль Шанель

«Мир глазами ребенка»

Выполнила студентка группы П/м-20-1-о

Стеглик Е. В.

Женщина-легенда, женщина-эпоха, икона стиля Коко Шанель появилась на свет 19 августа 1883 года во Франции. Она была вторым ребенком Жанны Деволь и Альберта Шанель. Мать умерла при родах, а девочку назвали Габриэль в честь медсестры, которая помогла ей появиться на свет.

Отец не справляется с детьми самостоятельно и пристраивает сыновей сельскохозяйственными рабочими, а трех сестер отправляет в аббатство Обазин. Там, в женском монастыре, при котором был приют для сирот, Габриэль проводит почти семь лет.

Маленькая Шанель не могла поверить, что он их бросил. *«Я не сирота! Скоро придет папа и заберет меня!»*, - так отвечала девочка на насмешки других воспитанниц приюта. Неприветливые стены приюта не сломили Шанель и не превратили ее в сентиментальную мечтательницу. *«Если ты рожден без крыльев, не мешай им расти»*, — произнесла однажды Габриэль уже в статусе мадемуазель Коко. В 18 лет она покинула монастырь, решив раз и навсегда вырваться из нищеты. Навыки рукоделия, полученные в приюте, помогли Шанель сделать первый шаг на пути к успеху.

В Обазине Габриэль жилось тоскливо, многочисленные запреты довели над юной бунтаркой: просыпаться, засыпать и начинать трапезу следовало по команде дежурной сестры. Годы в сиротском приюте наложили глубокий отпечаток на ее мировоззрение.

Спустя много лет, Шанель прикажет своему архитектору повторить в ее доме каменную лестницу из монастыря, по которой в детстве ей запрещали бегать: хоть на своей вилле она будет ходить так, как пожелает!

Позже Шанель говорила о тех событиях, как о невыносимых для детской души ударах, тогда ей пришлось глубоко прочувствовать, каково это – потерять всё.

Эта боль породила в девочке безысходную неполноценность, которая до самых седин толкала её на отчаянно смелые поступки.

Бескомпромиссность, высокомерие, дерзость. Ненависть к праздному образу жизни богемы и жгучее желание зарабатывать своими силами, чтобы достичь всех благ этой жизни. Вот всё, что обрела в своём трудном детстве Коко. И это пригодилось ей для того, чтобы доказать ему, бросившему её равнодушному человеку с бездарной судьбой, что она есть и она достойна любви. С отцом они больше не встретились.

Всю дальнейшую жизнь Коко будет стараться побороть свою душевную боль, горе брошенного ребёнка. Даже её неуёмное желание нравиться, пробуждать страсть, быть признанной всеми, стать примером для подражания не сможет ей помочь. Но ни разу она не упрекала за это отца, красавца Альбера.

Она приукрашивала биографию отца, представляла его тем, кем он хотел стать, и часто повторяла: «Мой отец жил в Ниме, он был виноторговцем». Шанель». Фамилия отца — это её достояние. Но любить её будет некому.

Было одно слово, которое выводило Коко из равновесия, если кто-то случайно произносил его при ней: «сирота». За вспышкой гнева скрывалось смятение, которое она впервые ощутила много лет назад. Ей было что прятать от других, от тех, кого никогда не бросали. Рана, полученная в двенадцать лет, так и не затянулась. «У меня всё отняли, меня уничтожили. Я извела это в двенадцать лет».

Обычно Шанель вполтину уменьшала свой тогдашний возраст, говорила, что лишилась матери в шесть лет. Быть может, потому, что восприняла эту травму слишком тяжело, с незащищённостью маленького ребёнка.

Она понимала, что никакого будущего после приюта у нее не будет, но все равно мечтала о блестящем будущем, богатой жизни. Став знаменитой, Габриэль Бонёр Шанель как-то сказала, что ненавидела приютскую униформу, которую ей приходилось носить, в ней все девочки были безликими. Тогда у нее и зародилась мечта – красиво одеть женщин.

Неприветливые стены приюта не сломили Шанель и не превратили ее в сентиментальную мечтательницу. *«Если ты рожден без крыльев, не мешай им расти»*, — произнесла однажды Габриэль уже в статусе мадемуазель Коко

Когда журналисты принимались ее расспрашивать о правдоподобной истории Коко Шанель и родителях, предпочитала отмалчиваться. Только однажды она заявила: «Люди, имеющие легенду, — сами легенда!». Это нежелание рассказывать о своих корнях связано было, скорее всего, с предательством родителя, обидевшем ее мать при жизни и отказавшимся от дочерей после смерти от астмы.

«Коко»

«Моему отцу очень не нравилось имя Габриэль. Он боялся, что меня будут называть Габи. Поэтому он придумал ласковое прозвище Коко, что означало цыплёнок».

Эту красивую историю Габриэль придумала, чтобы заглушить боль сиротливого детства, в котором не было отцовской любви. Прозвище Габриэль Шанель получила много позднее от посетителей кабаре «Ротонда», где она выступала после смен в магазине. В нескольких песнях, которые она исполняла, постоянно звучало это слово.

Было одно воспоминание, за которое она цеплялась с упорством отчаяния: её белое платье, платье первопричастницы. В двенадцать лет, в мрачных монастырских стенах Обазина, на торжественной церемонии первого причастия она появилась в платье, выбранном отцом. Она была уязвлена на всю жизнь, об этом говорили её глаза, с языка срывались мстительные слова: «Когда все вы вспоминаете детство, я покатываюсь со смеху... Вы не знаете, что это такое: жить с ощущением, что у тебя больше нет ничего своего и ты можешь рассчитывать только на чью-то жалость». Клеймо сиротства как смертный приговор, и она спасается любыми средствами, бунтует, выдумывает всевозможные небылицы... Габриэль Шанель будет гордо называть себя «Мадемуазель»

Коко снова и снова без устали описывала этот наряд из белоснежной органди, украшенный оборками и кружевами, жемчужные чётки в маленькой сумочке у пояса, шёлковые чулки и, наконец, самое прекрасное — венок из роз: всё, что отличало её от подружек, маленьких крестьянок в чепчиках. Уже тогда ей хотелось быть единственной в своём роде, особенной, неотразимой.

Но отца не вернуть. А нестерпимую мысль, что он её бросил, она загонит в подсознание, уже отягощённое страшными впечатлениями от смерти матери. В приюте Коко ни разу не назовёт монахиню «матушкой». Ни с кем не станет делиться своей болью, запрет её на замок. «Гордость спасла меня», — она часто это говорила.

В Обазине она станет замкнутой. «Я хотела быть уверенной в том, что меня любят, но я жила среди безжалостных людей...»

«Меня воспитывали одни женщины». В её голосе слышалось эхо давнего протеста. Впоследствии Коко будет уделять повышенное внимание представителям противоположного пола. Она станет неутомимой, дерзкой соблазнительницей. В Обазине девочки носили форму. Но не у всех она была одинаковой. Девочки из состоятельных семей, за которых платили родители, носили форменные платья, сшитые на заказ. Только вот за дочерей Альбера никто не платит, их взяли из милости, и они должны носить старую форму, с чужого плеча. Коко бунтует.

Тогда её бунт завершился неизбежным поражением: ей всё же пришлось надеть эту форму, унылую и обезличивающую. Но впоследствии Коко всё-таки одержит победу над школьной формой. Как? Да очень просто: переделает её по-своему. Взяв за основу повседневный наряд школьницы-подростка, девочки из хорошей семьи, Шанель добавит к нему индивидуальность, «изюминку», выбьет из него пыль сословных предрассудков и приблизит к жизни. Этот наряд станет её повседневной одеждой, её фирменным знаком, её талисманом. Никто не сможет носить его так, как она, выглядеть в нём так эффектно и так оригинально.

Коко вычеркнет из памяти монахинь, свидетельниц её горя и унижения. Она станет тщательно скрывать от журналистов и биографов своё сиротство, причину будущего одиночества. Коко выдумает себе других воспитательниц: двух чопорных старых дев, кузин покойной матери, которые якобы взяли её к себе. Эти две тётушки владели фермами и пастбищами. У них в кухне над очагом висело множество окороков и копчёностей, буфеты ломались от солёного масла, а шкафы — от великолепных простынь иссуарского полотна...